

ОЛЕСЯ НИКОЛАЕВА

ПЛЕННЫЙ ХЕРУВИМ

ПАЛ Ы М И Р А
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 2

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Н63

Николаева О.

Н63 Пленный херувим : [сборник] / Олеся Николаева. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 383 с. — (Серия «Альфа и Омега»).

ISBN 978-5-517-07409-6

Роман «Мене, текел, фарес» — о неисповедимых жизненных путях, по которым блуждают герои этой книги — православные монахи. От приходского храма до монастыря, от кухонь до гостиных, повсюду они задаются главным для каждого человека вопросом: в чем смысл жизни? Любовь и юмор, с которыми О. Николаева рассказывает о приключениях монахов и мирян, великолепный стиль и знание церковной жизни приоткрывают двери в самую потаенную область — духовный опыт.

В это издание также вошли святочная повесть «Ничего страшного» и рассказ «Полет шмеля».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-07409-6

© Николаева О., 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

МЕНЕ, ТЕКЕЛ, ФАРЕС

роман

ДЮДЯ

Было время, когда игумен Ерм казался нам ангелом, спустившимся на землю. Во плоти ангел. Небесный человек. Некий херувим, что несколько занес нам песен райских... Когда он еще жил в Лавре, на заре своего монашества, к нему в келью старцы посылали молодых постриженников как бы на экскурсию: идеальная келья монаха. Простота. Чистота. Нестяжательность. Единственным ее излишеством была серебристая змеиная кожа, которую подарил отцу Ерму мой друг — писатель и путешественник Геннадий Снегирев.

— Отец Ерм, а зачем вам в келье эта змеиная шкура? — спрашивали молодые постриженники. — Ведь это же — принадлежность Искуителя?

— Она напоминает мне о грехопадении первых людей, — скромно отвечал отец Ерм. — А кроме того — Сам Христос говорил: будьте мудры, как змеи!

Вообще существует такое монашеское наблюдение: невозможно прийти к Господу, если воочию не увидишь в каком-нибудь человеке отблеск вечной жизни, лик Христов. Так и красота монашества открывается лишь через Человека: вот он — перед тобой — во всей своей немощи, во всей своей простоте, покрытой черным штапелем ли, сукном, а через

него сияет слава Божия, Царство Небесное, неземной мир. Многие именно так избирали для себя монашество. И таким человеком был для нас наш игумен, наш, между прочим, тогда еще совсем молодой, «старец», наш духовный отец.

Он тогда очень увлекался старообрядчеством — это понятно, ведь у них такие иконы: никониане никогда не смогли подняться до их умозрения, — все выходило плоскенько, аляповатенько. А отец Ерм — эстет, аскет, иконописец. Даже по Лавре рассказывал тогда со старообрядческой лестницей вместо ортодоксальных четок. Возглашал по-старинному «во веки веком». Поклоны клал, как положено по старому молитвослову. И мне такой подарил. И я тоже после каждой «Славы» по три земных поклончика отмахивала. С непривычки так натрудила коленку, что она вспухла, и я не ходила, аковыляла. В конце концов, обратилась даже в травмпункт...

У меня спросили:

— А что вы делали на этой ноге? Может, тяжести какие подпирали, может, ударяли ее или, может, насекомое какое вас укусило?

Но я честно сказала:

— Нет, ни тяжестей не таскала, не ударяла, и насекомые не кусали, а просто — отбивала поклончики.

Тогда на меня посмотрели сочувственно, подозрительно и тревожно. Медрабортники все-таки. Поклончики она отбивала! Это при Брежнев-е-то! 82-ой год на дворе... Ну ладно.

Все тогда привлекало отца Ерма в старообрядчестве — весь богослужебный чин, знаменное церковное пение по крюкам, эстетизированный церковный быт, и он глубоко и восторженно переживал это как художник, как иконописец. Даже старообрядческий клобук надевал у себя в келье: не этот, похожий на котелок без полей, обтянутый черным, ниспадающим вниз муаром — протопоп Аввакум говорил

о таковых с презрением «клабуки-те рогатые ставцами-теми носят», — а тот, старинный, напоминающий длинноухую шапку, — кстати, он очень был ему к лицу. Мне даже удалось его так сфотографировать: вот он стоит, «прислонясь к дверному косяку», артистичные пальцы у подбородка, и смотрит так чудно, так вдохновенно. Портрет этот до сих пор висит у меня над столом в кабинете. Лицо отца Ерма на нем столь прекрасно, что все, кто приходят ко мне, спрашивают изумленно: «А это кто?» И замирают, любясь... Но я им не отвечаю. Потому что — начнутся дальнейшие расспросы — а что он? А где? А как? Ну и необязательно всем так уж об этом знать...

В ту пору игумен Ерм ввел старообрядчество даже в своем монашеском быту — варил сбитень, питался проросшей пшеничкой и национальной репой, отвергая заморскую екатерининскую (никонианскую) картошку, ходил по келье в лаптях, которые сам и плел, говорил «поелику» и «дондеже», не признавал электричества, но читал и работал при свечах, а краски для икон готовил из натуральных веществ — растирал полудрагоценные камни, добавлял желток — какие-то были у него старинные рецепты.

И вообще вокруг него царил такая восторженно-эсхатологическая атмосфера — готовился великий исход из этого греховного мира, из этой «не устоявшей перед тремя искушениями сатаны Церкви». Да, как бы именно так. И в то же время не вполне — ибо отец Ерм вовсе и не собирался порывать с Церковью и переходить в старообрядчество, он просто считал, что монашество в миру обмирщается и надо дистанцироваться, укрывшись отеческими заветами. Уйти из мира, забрав Кормчую Книгу, по ней и жить. А для нас, неопитов, его окружавших, что могло быть более праздничным и желанным, чем это новое житие, исполненное подвигов и чудес?..

Отец Ерм однажды прямо так и сказал своему любимому ученику — молоденькому монаху Дионисию-иконописцу:

— Я решил стать преподобным!

И Дионисий, конечно, не смог это удержать в себе, выдал мне под большим секретом, огромные, широко расставленные глаза его были широко распахнуты, из груди вырывалось:

— Нет, ты представляешь... Это же настоящий старец! Вот я, например, хочу себе купить черные джинсы под подтяжники, ты, предположим, хочешь выпить чашку кофе, а он — стать святым!

...Землей обетованной была избрана Мезень, ее пустынные холодные берега. Спасение возможно только там. Пять месяцев в году судоходство, потом все покрывается суровыми льдами — ни рыба не доплывет, ни птица не долетит. Мы с Дионисием ездили на место грядущего переселения на разведку, летом. Пока плыли на утлой лодчонке, на Дионисия напала огромная чайка и стала клевать его скуфью...

— Ишь, не хочет пускать! — отмахивался от нее он.

Лодку качнуло, в воду упал пакет с бутербродами и бутылкой воды. Но на берегу было много ягод, прозрачный ручей, и Дионисий сказал, погрозив, невидимому супостату:

— Да подавись ты этими бутербродами, старый козел, а нам и так хорошо!

Наконец, мы нашли бедное селенье с заколоченными домами, вокруг — никого: ближайший магазин, где дают хлеб, карамельки и водку, которую местные называют «серенькой», в пяти километрах. Отметили все крестиками на карте и отправились обратно к отцу Ерму с докладом.

Ну Дионисий — понятно: монах, иконописец, а я? Я-то на что рассчитывала с этой Мезенью: у меня муж, маленькие деточки. Ах, думала, отец Ерм помолится, все как-нибудь образуется: будем жить там при иконописном ските,